

*Моя мечта надменна и проста:
Схватить весло, поставить ногу в стремя
И обмануть медлительное время,
Всегда лобзая новые уста.*

Н. Гумилев

Хорошо известно, что стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье», написанное в Михайловском в 1825 году и посвященное Анне Петровне Керн, ориентировано на один из самых известных поэтических текстов В. А. Жуковского — его элегию «Лалла Рук», в основе своей тоже имеющую женский образ. Обоих поэтов пленили живые женщины, но в элегии старшего героиня лишилась земных черт и обратилась в ангела, призванного свидетельствовать о существовании небесного мира, где все утраченное на земле будет сторицей вознаграждено:

Ах! не с нами обитает
Гений чистой красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты <...>
Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И внушает откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда под покрывало
Он дает взглянуть порой...

Такова была философия Жуковского, которая за ним шла его куда больше, чем плотские радости. Для младшего поэта обаяние потустороннего мира, всегда привлекавшего Жуковского более, чем земной, было не столь безусловным. Немецкий метафизический романтизм, которым увлекался его друг и учитель, для Пушкина оказался, конечно, гораздо более чужеродным, чем английский с его яркими характерами и огненными страстями. И однако образ женщины-ангела, на мгновение посетившей поэта и напомнившей о небесной отчизне, вдруг показался ему близким и... полезным. Его стихотворение стало комплиментом женщине, которую он хотел покорить, цитаты из Жуковского, узнаваемые любым начитанным в поэзии русским человеком того времени, тоже должны были сыграть свою роль — какой женщине не понравится сравнение с ангелом? Особенно если учесть, что Анна Петровна Керн в силу своих личных и биографических особенностей никак не могла всерьез претендовать на роль небесного создания. Тем больше ей льстило, что Пушкин разглядел в ней ангельские черты. Стихотворение Пушкина разворачивается как автобиография, увиденная только с одного ракурса, подчиненная только одному влиянию: встречи и разлуки с героиней словно выстроили жизнь поэта, придали ей смысл. Здесь содержится, конечно, гипербла, искажающая реальность, но кто потребует от лирического текста точного соответствия жизненным обстоятельствам? А обстоятельства были такими.

Анна Петровна Керн приехала из Риги в имение Тригорское Опочецкого уезда Псковской губернии в июне 1825 года. Она приходилась племянницей П. А. Осиповой, соседке Пушкина и его дальней родственнице, в семье которой ссыльный поэт находил отдохновение. Собственно, даже не родственницей, а свойственницей, племянницей по линии первого мужа — Вульфа. Родственные отношения в этой большой семье были крепкими, и Анна Петровна желала в деревне у тетки перевести дыхание от своей кочевой и беспокойной жизни. Кочевать ей приходилось из-за той должности, которую возложила на нее судьба, — Анна Петровна была генеральшей. Выданная замуж в 17 лет за 52-летнего героя Отечественной войны генерала Е. Ф. Керна, портрет которого кисти Дж. Доу помещен в знаменитой галерее 1812 года (что свидетельствует о высочайшем признании выдающейся храбрости и военного таланта генерала), А. П. Керн была вынуждена сопровождать мужа в его переездах по стране. В 1823 году он получил должность коменданта Риги, и так получилось, что во время михайловской ссылки Пушкина Анна Петровна жила неподалеку, в соседней с Псковской губернией Лифляндии.

Отношения супругов не сложились сразу и впоследствии только ухудшались. Это был один из тех

несчастливых браков, которые принято называть французским словом *mésalliance* и которые заключались по дальновидному расчету родителей невесты: имущественное неравенство искупалось — или, в зависимости от везения, дополнялось — возрастным. Такие браки складывались по-разному. Бывало, и довольно часто, что удачно, как, например, у старушки Лариной, тоже выданной замуж не по любви:

Но, не спросясь ее совета,
Девуцу повезли к венцу.
И, чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она.

А. П. Керн была скроена из другого материала. Полюбить своего мужа она не могла и хоть и родила от него двух дочерей, но не привыкла и не смирилась. Несколько раз она пыталась оставить мужа, но вынужденно возвращалась к нему, потому что жить, собственно, было не на что. В конце концов постоянный адюльтер стал формой ее существования, мстью нелюбимому мужу, вызовом обществу, толкнувшему ее на ненавистный брак. Отсюда и более позднее *mot* Пушкина в адрес А. П. Керн — «вавилонская блудница»¹. Все это, конечно, нисколько не отменяло ни ее внешней привлекательности, ни очарования ее личности, в связи с упомянутыми обстоятельствами приобретающего особую остроту. Е. Ф. Керн, видимо, страдал, пытался воспитывать жену, потом понял, что не в силах удержать ее, и махнул рукой. Кончился этот брак скандалом: Анна Петровна все-таки оставила супруга и тем погубила свою и без того не слишком кристальную репутацию, но это случилось уже в 1827 году. Пока же она ненадолго приехала из Риги в Тригорское и сблизилась там с Пушкиным.

Это сближение имело некоторую предысторию, впрочем, не очень длительную, а знаменитый «роман» Пушкина с А. П. Керн — заочный этап. Они познакомились в 1819 году в Петербурге в доме А. Н. Оленина, с которым Полторацкие (девичья фамилия А. П. Керн) находились в свойстве. Играя в шарады, Анна Петровна представляла Клеопатру, она вспоминала впоследствии: «Пушкин, вместе с братом Александром Полторацким, подошел ко мне <...> и,

¹ Пушкин А. С. Письмо А. Н. Вульфу, 7 мая 1826 г. (№ 193): Полное собрание сочинений. Л., 1977–1979. Т. 10. С. 160.

указывая на брата, сказал: "Etc'est sansdoute Monsieur quiferal' aspic?"¹. Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла»². Шутка, действительно, выглядела дерзкой, но остроумной, и была, как видим, отмечена.

Не приняв (и справедливо!) всерьез недовольства дамы, Пушкин продолжал заигрывать с ней: «За ужином Пушкин уселся с братом моим позади меня и старался обратить на себя мое внимание лстивыми возгласами, как, например: "Est-ilper misd' être aussi jolie"³. Потом завязался между ними шуточный разговор о том, кто грешник и кто нет, кто будет в аду и кто попадет в рай. Пушкин сказал брату: "Во всяком случае, в аду будет много хороших, там можно будет играть в шарды. Спроси у m-me Керн, хотела ли бы она попасть в ад?" Я отвечала очень серьезно и несколько сухо, что в ад не желаю. "Ну, как же ты теперь, Пушкин?" — спросил брат. — "Je meravig"⁴, — ответил поэт, — я в ад не хочу, хотя там и будут хорошие женщины"... Вскоре ужин кончился, и стали разъезжаться. Когда я уезжала и брат сел со мною в экипаж, Пушкин стоял на крыльце и провожал меня глазами»⁵. С тех пор прошло всего пять лет, но обоими это срок ощущался как неизмеримо больший. Пушкин успел за это время впасть в немилость, отправиться в южную ссылку, пережить серьезный роман, вторично навлечь на себя гнев императора и быть отосланным в свое северное имение без права выезда из него даже в ближайшие города, Псков и Новоржев. В глухой псковской деревне он обрел все-таки женское общество, которое состояло из очаровательных соседок по имени — Осиповых-Вульф, обитавших в Тригорском, в нескольких верстах от родового Михайловского. Но они были провинциалками, и возможный приезд их родственницы, светской львицы и красавицы, которая один раз уже пленила его воображение, воспринимался Пушкиным как безусловное чудо. В поэзии оно вполне органично претворилось в сошествие на землю ангела чистой красоты.

А. П. Керн за протекшее с их последней встречи пятилетие возвратилась к родителям в город Лубны Полтавской губернии, где прошло ее детство. О Пушкине она слышала часто, потому что искренне интересовалась литературой и читала все его произведения по мере выхода их в свет. Снабжал ее книгами знакомый Пушкина по Петербургу и сосед Полторацких в Полтаве, человек, не чуждый литературному твор-

честву, А. Г. Родзянко. О Пушкине писала ей двоюродная сестра Анна Николаевна Вульф, жителяница Тригорского, которая с 1824 года стала близко и неравнодушно общаться с ним. В частности, Анна Николаевна сообщала своей кузине: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine a votre rencontre, chez O[eni]ne; il dit partout: Elle était trop brillante»⁶.

Узнав, что Анна Петровна знакома с А. Г. Родзянко, с которым, видимо, у нее был роман, Пушкин стал в письмах расспрашивать о ней своего приятеля: «Объясни мне, милый, что такое А. П. Керн, которая написала много нежностей обо мне своей кузине? Говорят, она премиленькая вещь — но славны Лубны за горами. На всякий случай, зная твою влюбчивость и необыкновенные таланты во всех отношениях, полагаю дело твое сделанным или полусделанным. Поздравляю тебя, мой милый: напиши на это все элегию или хоть эпиграмму»⁷. Как видим, в самой интонации письма нет никакого фальшивого возвышенного пафоса, Пушкин прекрасно понимает, что А. П. Керн очень хороша собой и весьма доступна. Очевидно, до него уже дошли семейные слухи о ее попытках разъехаться с мужем (одну из таких попыток она, кстати, и осуществляла в Полтавской губернии), даже развестись с ним. Возможно, слышал он и о незаконных связях молодой генеральши или, во всяком случае, предполагал их...

10 мая 1825 года А. П. Керн и А. Г. Родзянко вместе написали Пушкину шуточное послание в стихах, в котором опровергали его намеки на их любовную связь. Ответом им было стихотворное послание Пушкина, текст которого лучше всего характеризует его отношение к Анне Петровне накануне ее посещения Тригорского. Оно показывает полную осведомленность Пушкина о том, «что такое А. П. Керн», а доля насмешки в ее адрес, которая сквозит между строк, говорит, конечно, об отсутствии ложных ожиданий:

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу,
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.
Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!

¹ «А роль змеи, как видно, предназначается этому господину?» (франц.).

² Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 2013. С. 30.

³ «Можно ли быть такой прелестной» (франц.).

⁴ «Я раздумал» (франц.).

⁵ Там же. С. 30–31.

⁶ «Ты произвела сильное впечатление на Пушкина во время вашей встречи у Олиньных; он всюду говорит: она была ослепительна» (франц.). Там же. С. 33.

⁷ Пушкин А. С. Письмо А. Г. Родзянко, 8 декабря 1824 г. (№ 102): Полное собрание сочинений. Л., 1977–1979. Т. 10. С. 90.

Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои:
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

Однако ожидания все-таки были. А. П. Керн потом вспоминала, как состоялось их первое свидание в Тригорском: «...Мы сидели за обедом и смеялись над привычкой одного г-на Рокотова, повторяющего беспрестанно: “Pardonnez-ma franchise” и “J’etiens beaucoup a votre opinion”¹, как вдруг вошел Пушкин с большой, толстой палкой в руках. Он после часто к нам являлся во время обеда, но не садился за стол; он обедал у себя, гораздо раньше, и ел очень мало. Приходил он всегда с большими дворовыми собаками, chienloup². Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость была видна в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили»³.

Анна Керн была к тому времени опытной светской львицей, она вполне осознавала силу своего обаяния и умела им распорядиться. И Пушкин, всегда равнодушный к женской красоте, под это обаяние подпал — хотел подпасть. Это была новая яркая интрига, которая разнообразила его скучную жизнь в затворничестве. Тригорские соседки, как бы они ни были милы, надоели за год близкого и постоянного общения. Нельзя сказать, чтобы он испытал сильное чувство, но все же увлекся. Увлечению этому способствовало и то обстоятельство, что Анна Петровна была начитанна, очень любила стихи, следила за его творчеством, к которому была весьма равнодушна. Сама она признавалась: «Восхищенная Пушкиным, я страстно хотела увидеть его...»⁴. Одним словом, повод для взаимного притяжения был с обеих сторон.

О времени пребывания А. П. Керн в Тригорском (около месяца) остались только ее собственные фрагментарные воспоминания, никакими другими документальными материалами не подтвержденные, поэтому доверимся памяти героини этой истории. Анна

¹ «Простите мою откровенность; я слишком дорожу вашим мнением» (франц.).

² «Волкодавами» (франц.).

³ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 2013. С. 34–35.

⁴ Там же.

Петровна была музыкальна и неплохо пела, впрочем, вероятно, ее вокальное искусство не выходило за рамки обычного в то время набора умений женщины ее круга. Мы помним, что на фортепиано играли все тригорские девушки, особенно отличалась в этом А. И. Осипова. Под фортепианный аккомпанемент однажды вечером в присутствии Пушкина Анна Петровна исполнила популярную венецианскую баркаролу на стихи слепого поэта Ивана Козлова.

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Возможно, пела она не одна, а с кем-то из своих кузин, потому что в воспоминаниях писала: «...мы пели этот романс Козлова на голос Benedettasialamadre»⁵. Известная музыка М. И. Глинки к этим замечательным стихам И. И. Козлова еще не была написана, поэтому нужно приложить некоторые усилия, чтобы представить, как исполняли этот романс на мотив песни гондольера. В любом случае, Пушкину исполнение очень понравилось. Сама А. П. Керн в своих воспоминаниях нескромно подкрепляет это утверждение цитатой из письма Пушкина П. А. Плетневу: «Скажи от меня Козлову, что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его “Венецианскую ночь” на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее, но пусть вообразит себе красоту и задушевность — по крайней мере дай Бог ему ее слышать!»⁶

Желая развлечь женское общество Тригорского, Пушкин принес прочитать вслух свою поэму «Цыганы», начатую на юге и законченную в Михайловском еще прошлой осенью. Поэма эта формально носила яркий романтический характер, однако развивала тему личной свободы куда более глубоко, чем это обычно случалось в литературе романтизма. Алеко — герой, страстно желающий вырваться из разнообразных оков, которые сковывали его жизнь в прошлом, казалось бы, достигший идеала в цыганском таборе, не свободен от самого себя. Убивая изменившую ему Земфиру, он оказывается не способным признать свободу святым правом другого человека. Думается,

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Пушкин А. С. Письмо П. А. Плетневу, не позднее 19 июля 1825 г. (№ 141): Полное собрание сочинений. Л., 1977–1979. Т. 10. С. 121.

что поэма «Цыганы» с очерченной проблематикой была выбрана Пушкиным для чтения в присутствии А. П. Керн далеко не случайно. Расчет был точным: «Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу!.. Я была в упоении, как от текучих стихов этой чудной поэмы, так и от его чтения, в котором было столько музыкальности, что я иставала от наслаждения...»¹. «Иставала от наслаждения» — если бы Пушкину довелось прочитать эти строки, он бы, наверное, был приятно поражен. Но он, вероятно, почувствовал ответную волну восхищения, которая исходила в этот вечер от его слушательницы, и был ободрен относительно дальнейшего.

Заметим, что Пушкин принес свою поэму, записанную, как вспоминает А. П. Керн, в большую черную книгу, на полях которой она успела разглядеть начерченные поэтом ножки и головки. Об этой книге вспоминали и другие мемуаристы. В пушкинской текстологии она получила наименование «третьей масонской тетради». А. Н. Вульф вспоминал о своем впечатлении от кабинета Пушкина: «...Две тетради в черном сафьяне остановили мое внимание на себе: мрачная их наружность заставила меня ожидать что-нибудь таинственного, заключенного в них, особенно когда на болмшеей из них я заметил полустертый масонский треугольник. Естественно, что я думал видеть летописи какой-нибудь логи; но Пушкин, заметив внимание мое к этой книге, окончил все мои предположения, сказав мне, что она была счетною книгой такого общества, а теперь пишет он в ней стихи»². Известно, что в Михайловском Пушкин писал именно в «масонской» тетради, так что воспоминания А. П. Керн вполне достоверны, хоть и были написаны они через много лет после событий, видимо, ее глубоко поразивших.

«Через несколько дней после этого чтения тетушка предложила нам всем после ужина прогулку в Михайловское. Пушкин очень обрадовался этому, и мы поехали. Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я — в другом. Ни прежде, ни после я не видала его так добродушно веселым и любезным. Он шутил без острот и сарказмов; хвалил луну, не называл ее глупой, а говорил: “J’aime la lune quand elle éclaire un beau visage”³, хвалил природу и говорил, что

он торжествует, воображая в ту минуту, будто Александр Полторацкий остался на крыльце у Олениных, а он уехал со мною; это был намек на то, как он зазавидовал при нашей первой встрече Александру Полторацкому, когда тот уехал со мною. Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад,

Приют задумчивых Дриад,

с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: “Moncher Pouchkine, faitesleshonneursde votre jardin a Madame”⁴. Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; он вспоминал нашу первую встречу у Олениных, выражался о ней увлекательно, восторженно и в конце разговора сказал: “Vous aviez unairsivirginal; n’est-cepasque vous aviez survous quelque chose comme une croix?”⁵.⁶ Описанная поездка была почти ночной — во всяком случае вечерней, и происходила она 18 июля 1825 года.

Эта точная дата известна потому, что на следующий день после поездки в Михайловское А. П. Керн уезжала обратно в Ригу к мужу, с которым недавно примирилась. Вместе с нею на время отбывали из Тригорского и П. А. Осипова со старшими дочерьми. Пушкин оставался надолго, как он сам говорил, в «торжественном одиночестве». На следующий день он пришел проститься и принес в подарок А. П. Керн изданную первую главу «Евгения Онегина», в книжку был заложен вчетверо сложенный листок с теми стихами, с которых начался наш рассказ. Как вспоминала впоследствии Анна Петровна, «когда я сбиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него промелькнуло тогда в голове, не знаю»⁷. В любом случае, адресат стихотворения нашла для него замечательное применение. Близко сойдясь в Петербурге с бароном Дельвигом и его женой Софией Михайловной, она отдала стихи для публикации в альманахе «Северные цветы», который Дельвиг тогда

¹ Там же. С. 36.

² Вульф А. Н. Дневник 1827–1842 годов: Любовные похождения и военные походы. Запись от 16 сентября 1827 г. М., 2016. С. 37.

³ «Я люблю луну, когда она освещает прекрасное лицо» (франц.).

⁴ «Мой милый Пушкин, будьте же гостеприимны и покажите госпоже ваш сад» (франц.).

⁵ «Вы выглядели такой невинной девочкой; на вас тогда было что-то вроде крестика, не правда ли?» (франц.).

⁶ Керн А. П. Воспоминания о Пушкине. М., 2013. С. 36–37.

⁷ Там же. С. 37.

издавал. А впоследствии М. И. Глинка, который тоже был вхож в семью А. П. Керн, положил их на музыку.

Экземпляр, который Пушкин подарил ей в день отъезда, не сохранился. Но никакое другое из лирических произведений Пушкина не наделало, пожалуй, столько шума, как этот адресованный А. П. Керн мадригал. Дело здесь, конечно, не только в выдающихся поэтических достоинствах стихотворения, которые, без всякого сомнения, налицо, но, вероятнее всего, — в самой личности Анны Петровны, которая сумела широко его популяризовать, окружить ореолом тайны, сгустить вокруг него всевозможные догадки, которые ее собственная жизнь с очевидностью допускала.

В Михайловском Пушкин остался ни с чем. Все дело ограничилось, судя по всему, куртуазной влюбленностью поэта и кокетством светской красавицы, не ответившей на его ухаживания и внезапно оказавшейся для него неприступной. Равнодушие Анны Петровны к Пушкину было тем более обидным, что он, видимо, рассчитывал на легкую победу. Пройдет всего несколько дней, и Пушкин напишет в письме влюбленной в него Анне Вульф о ее кузине, не скрывая своего разочарования: «...Каждую ночь гуляю я по своему саду и говорю себе: она была здесь; камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе подле ветки увядшего гелиотропа. Пишу много стихов, — все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вам, что о ней и помину нет.

Если бы я был влюблен, то в воскресенье со мною сделали бы конвульсии от бешенства и ревности; а мне было только досадно. Однако мысль, что я ничего для нее не значу, что пробудив и заняв ее воображение, я только потешил ее любопытство; что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни рассеянее среди ее триумфов, ни мрачнее в дни грусти; что прекрасные глаза ее остановятся на каком-нибудь рижском франте с тем же раздражающим сердце и сладострастным выражением, — нет, эта мысль для меня невыносима; скажите ей, что я умру от этого; нет, не говорите, а то это очаровательное создание насмеется надо мною. Но скажите ей, что уж если в ее сердце нет для меня тайной нежности, если нет в нем таинственного, меланхолического ко мне влечения, то я презираю ее, понимаете ли? Да, презираю, несмотря на все удивление, которое должно возбудить в ней это столь новое для нее чувство»¹.

«Прекрасные глаза» А. П. Керн довольно быстро остановились не на безымянном рижском франте, как предполагал Пушкин, а на собственном двоюродном

брате Алексее Николаевич Вульфе, с которым у нее начался продолжительный роман. Видимо, Пушкин был осведомлен о его ходе, поскольку примерно через год делал соответствующие намеки в письме своему тригорскому товарищу в Дерпт: «...что делает Вавилонская блудница Анна Петровна? <...> Мое дело — сторона; но что скажете вы?»² Для успокоения читателей и восстановления репутации Пушкина как покорителя женских сердец и умелого ловеласа отметим, что впоследствии, а точнее, в феврале 1828 года, все же роман между ним и А. П. Керн состоялся, но эта история не имеет к нашей главе прямого отношения.

В пушкинском же имени остался топоним, который навсегда связал Анну Петровну Керн с поэтом и его жизнью в псковском изгнании. Одна из старинных ганнибаловских липовых аллей в 1920-х годах получила название «аллеи Керн», вероятно, из-за массивных корней вековых лип, показавшихся на поверхности дороги и наводивших на мысль о том, что здесь легко споткнуться во время ночной прогулки. Вспомним мемуары самой Анны Петровны о запущенном саде «с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам». Однако в таком случае упустили из виду свидетельство самого Пушкина: «камень, о который она споткнулась, лежит на моем столе». Но такие детали важны разве только для сознания ученого, народная топонимия ими пренебрегает.

Так же как внутреннее пространство Михайловского и Тригорского помнит посещение «ангела чистой красоты», так и русская культура бережно хранит в себе память об Анне Петровне Керн, женщине, не сыгравшей никакой значительной роли ни в истории России, ни в жизни Пушкина, ставшей адресатом только одного его стихотворения. Сам того не ведая, поэт подарил своей минутной возлюбленной самый ценный подарок, о котором может мечтать каждый человек, — бессмертие.

ИЗ ПИСЕМ А. С ПУШКИНА А. П. КЕРН

*Пушкин — А. П. Керн,
25 июля 1825 г. Михайловское*

Я имел слабость попросить у вас разрешения вам писать, а вы — легкомыслие или кокетство позволить мне это. Переписка ни к чему не ведет, я знаю; но у меня нет сил противиться желанию получить хоть словечко, написанное вашей хорошенькой ручкой.

Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое

¹ Пушкин А. С. Письмо А. Н. Вульф, 21 июля 1825 г. (№ 142): Полное собрание сочинений. Л., 1977–1979. Т. 10. С. 606 (перевод с франц.).

² Пушкин А. С. Письмо А. Н. Вульфу, 7 мая 1826 г. (№ 193): Полное собрание сочинений. Л., 1977–1979. Т. 10. С. 160.

некогда произвела на меня встреча наша у Олениных. Лучшее, что я могу сделать в моей печальной деревенской глуши, — это стараться не думать больше о вас. Если бы в душе вашей была хоть капля жалости ко мне, вы тоже должны были бы пожелать мне этого, — но ветреность всегда жестока, и все вы, кружа головы направо и налево, радуетесь, видя, что есть душа, страждущая в вашу честь и славу.

Прощайте, божественная; я бешусь и я у ваших ног. Тысячу нежностей Ермолаю Федоровичу и поклон г-ну Вульфю.

25 июля

Снова берусь за перо, ибо умираю с тоски и могу думать только о вас. Надеюсь, вы прочтете это письмо тайком — спрячете ли вы его у себя на груди? ответите ли мне длинным посланием? пишите мне обо всем, что придет вам в голову, — заклинаю вас. Если вы опасаетесь моей нескромности, если не хотите компрометировать себя, измените почерк, подпишитесь вымышленным именем, — сердце мое сумеет вас угадать. Если выражения ваши будут столь же нежны, как ваши взгляды, — увы! — я постараюсь поверить им или же обмануть себя, что одно и то же. — Знаете ли вы, что перечтя эти строки, я стыжусь их сентиментального тона — что скажет Анна Николаевна? Ах вы, чудотворка или чудотворица!

Знаете что? пишите мне и так, и этак, — это очень мило. {Последние несколько слов написаны поперек письма в разных направлениях.}

Пушкин — А. П. Керн,

13 и 14 августа 1825 г. Михайловское

Перечитываю ваше письмо вдоль и поперек и говорю: милая! прелесть! божественная! ...а потом: ах, мерзкая! — Простите, прекрасная и нежная, но это так. Нет никакого сомнения в том, что вы божественны, но иногда вам не хватает здравого смысла; еще раз простите и утешьтесь, потому что от этого вы еще прелестнее. Напр., что вы хотите сказать, говоря о печатке, которая должна для вас подходить и вам нравиться (счастливая печатка!) и значение которой вы просите меня разъяснить? Если тут нет какого-нибудь скрытого смысла, то я не понимаю, чего вы желаете. Или вы хотите, чтобы я придумал для вас девиз? Это было бы совсем в духе Нетти. Полно, сохраните ваш прежний девиз: «не скоро, а здорово», лишь бы это не было девизом вашего приезда в Тригорское — а теперь поговорим о другом. Вы уверяете, что я не знаю вашего характера. А какое мне до него дело? очень он мне нужен — разве у хорошеньких женщин должен быть характер? главное — это глаза, зубы, ручки и ножки — (я прибавил бы еще — сердце, но ваша кузина очень уж затаскала это слово). Вы го-

ворите, что вас легко узнать; вы хотели сказать — полюбить вас? вполне с вами согласен и даже сам служу тому доказательством: я вел себя с вами, как четырнадцатилетний мальчик, — это возмутительно, но с тех пор, как я вас больше не вижу, я постепенно возвращаю себе утраченное превосходство и пользуюсь этим, чтобы побранить вас. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу ваших обещаний: к тому же письмо — нечто столь холодное, в просьбе, передаваемой по почте, нет ни силы, ни взволнованности, а в отказе — ни изящества, ни сладострастия. Итак, до свидания — и поговорим о другом. Как поживает подагра вашего супруга? Надеюсь, у него был основательный припадок через день после вашего приезда. Поделом ему! Если бы вы знали, какое отвращение, смешанное с почтительностью, испытываю я к этому человеку! Божественная, ради бога, постарайтесь, чтобы он играл в карты и чтобы у него сделался приступ подагры, подагры! Это моя единственная надежда!

Перечитывая снова ваше письмо, я нахожу в нем ужасное если, которого сначала не заметил: е_с_л_и_м_о_я_к_у_з_и_н_а_о_с_т_а_н_е_т_с_я_, т_о_о_с_е_н_ь_ю_я_п_р_и_е_д_у_и_т. д. Ради бога, пусть она останется! Постарайтесь развлечь ее, ведь ничего нет легче; прикажите какому-нибудь офицеру вашего гарнизона влюбиться в нее, а когда настанет время ехать, досадите ей, отбив у нее воздыхателя; опять-таки ничего нет легче. Только не показывайте ей этого; а то из упрямства она способна сделать как раз противоположное тому, что надо. Что делаете вы с вашим кузеном? напишите мне об этом, только вполне откровенно. отошлите-ка его поскорее в его университет; не знаю почему, но я недолюбливаю этих студентов так же, как и г-н Керн. — Достоинейший человек этот г-н Керн, почтенный, разумный и т. д.; один только у него недостаток — то, что он ваш муж. Как можно быть вашим мужем? Этого я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить рая.

Все это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбил себе в голову, что получу от вас письмо. Этого не случилось, и я в самом собачьем настроении, хоть и совсем несправедливо: я должен быть благодарным за прошлый раз, знаю; но что поделаешь? умоляю вас, божественная, снизойдите к моей слабости, пишите мне, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезным. Прощайте, дайте ручку. 14 августа

Пушкин — А. П. Керн,

21 (?) августа 1825 г. Михайловское

Вы способны привести меня в отчаяние; я только что собрался написать вам несколько глупостей, которые насмешили бы вас до смерти, как вдруг пришло ваше

письмо, опечалившее меня в самом разгаре моего вдохновения. Постарайтесь отделаться от этих спазм, которые делают вас очень интересной, но ни к черту не годятся, уверяю вас. Зачем вы принуждаете меня бранить вас? Если у вас рука была на перевязи, не следовало мне писать. Экая сумасбродка!

Скажите, однако, что он сделал вам, этот бедный муж? Уже не ревнует ли он часом? Что ж, клянусь вам, он не был бы неправ; вы не умеете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина, конечно, вольна... быть вольной. {В подлиннике — игра слов: *maitresse* (фр.) значит — и хозяйка, госпожа самой себе, и любовница.} Боже мой, я не собираюсь читать вам нравоучения, но все же следует уважать мужа, — иначе никто не захочет состоять в мужьях. Не принижайте слишком это ремесло, оно необходимо на свете. Право, я говорю с вами совершенно чистосердечно. За 400 верст вы ухитрились возбудить во мне ревность; что же должно быть в 4 шагах? (NB: Я очень хотел бы знать, почему ваш двоюродный братец уехал из Риги только 15-го числа сего месяца и почему имя его в письме ко мне трижды сорвалось у вас с пера? Можно узнать это, если это не слишком нескромно?) Простите, боже-ственная, что я откровенно высказываю вам то, что думаю: это — доказательство истинного моего к вам участия; я люблю вас гораздо больше, чем вам кажется. Постарайтесь хоть сколько-нибудь наладить отношения с этим проклятым г-ном Керном. Я отлично понимаю, что он не какой-нибудь гений, но в конце концов он и не совсем дурак. Побольше мягкости, кокетства (и главное, бога ради, отказов, отказов и отказов) — и он будет у ваших ног, — место, которому я от всей души завидую, но что поделаешь? Я в отчаянии от отъезда Анеты; как бы то ни было, но вы непременно должны приехать осенью сюда или хотя бы в Псков. Предлогом можно будет выставить болезнь Анеты. Что вы об этом думаете? Отвечайте мне, умоляю вас, и ни слова об этом Алексею Вульффу. Вы приедете? — не правда ли? — а до тех пор не решайте ничего касательно вашего мужа. Вы молоды, вся жизнь перед вами, а он... Наконец, будьте уверены, что я не из тех, кто никогда не посоветует решительных мер — иногда это неизбежно, но раньше надо хорошенько подумать и не создавать скандала без надобности.

Прощайте! Сейчас ночь, и ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный: мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста.

Прощайте — мне чудится, что я у ваших ног, сжимаю их, ощущаю ваши колени, — я отдал бы всю свою жизнь за миг действительности. Прощайте, и верьте моему бреду; он смешон, но искренен.

Прилагаю письмо для вашей тетушки; вы можете его оставить у себя, если случится, что они уже уехали из Риги. Скажите, можно ли быть столь ветреной? Каким образом письмо, адресованное вам, попало не в ваши, а в другие руки? Но что сделано, то сделано — поговорим о том, что нам следует делать.

Если ваш супруг очень вам надоел, бросьте его, но знаете как? Вы оставляете там все семейство, берете почтовых лошадей на Остров и приезжаете... куда? в Тригорское? вовсе нет: в Михайловское! Вот великолепный проект, который уже с четверть часа дразнит мое воображение. Вы представляете себе, как я был бы счастлив? Вы скажете: «А огласка, а скандал?» Черт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало. Согласитесь, что проект мой романтичен! — Сходство характеров, ненависть к преградам, сильно развитый орган полета, и пр. и пр. — Представляете себе удивление вашей тетушки? Последует разрыв. Вы будете видаться с вашей кузиной тайком, это хороший способ сделать дружбу менее пресной — а когда Керн умрет — вы будете свободны, как воздух... Ну, что вы на это скажете? Не говорил ли я вам, что способен дать вам совет смелый и внушительный!

Поговорим серьезно, т. е. хладнокровно: увижу ли я вас снова? Мысль, что нет, приводит меня в трепет. — Вы скажете мне: утешьтесь. Отлично, но как? влюбиться? невозможно. Прежде всего надо забыть про ваши спазмы. — Покинуть родину? удавиться? жениться? Все это очень хлопотливо и не привлекает меня. — Да, кстати, каким же образом буду я получать от вас письма? Ваша тетушка противится нашей переписке, столь целомудренной, столь невинной (да и как же иначе... на расстоянии 400 верст). — Наши письма наверное будут перехватывать, прочитывать, обсуждать и потом торжественно предавать сожжению. Постарайтесь изменить ваш почерк, а об остальном я позабочусь. — Но только пишите мне, да побольше, и вдоль, и поперек, и по диагонали (геометрический термин). Вот что такое д и а г о н а л ь. {Эта фраза написана из угла в угол письма — по диагонали.} А главное, не лишайте меня надежды снова увидеть вас. Иначе я, право, постараюсь влюбиться в другую. Чуть не забыл: я только что написал [письмо] Нетти письмо, очень нежное, очень раболопное. Я без ума от Нетти. Она наивна, а вы нет. Отчего вы не наивны? Не правда ли, по почте я гораздо любезнее, чем при личном свидании; так вот, если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности — в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду не-

жен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю — у ваших ног. — П_р_о_щ_а_й_т_е.

*Пушкин — А. П. Керн,
22 сентября 1825 г. Михайловское*

Ради бога, не отсылайте г-же Осиновой того письма, которое вы нашли в вашем пакете. Разве вы не видите, что оно было написано только для вашего собственного назидания? Оставьте его у себя, или вы нас поссорите. Я пытался помирить вас, но после ваших последних выходов отчаялся в этом... Кстати, вы клянётесь мне всеми святыми, что ни с кем не кокетничаете, а между тем вы на «ты» со своим кузенком, вы говорите ему: я презираю твою мать. Это ужасно; следовало сказать: вашу мать, а еще — лучше — ничего не говорить, потому что фраза эта произвела дьявольский эффект. Ревность в сторону, — я советую вам прекратить эту переписку, советую как друг, поистине вам преданный без громких слов и кривляний. Не понимаю, ради чего вы кокетничаете с юным студентом (притом же не поэтом) на таком почтительном расстоянии. Когда он был подле вас, вы знаете, что я находил это совершенно естественным, ибо надо же быть рассудительным. Решено, не правда ли? Бросьте переписку, — ручаюсь вам, что он от этого будет не менее влюблен в вас. Всерьез ли говорите вы, уверяя, будто одобряете мой проект? У Анеты от этого мороз пробежал по коже, а у меня голова закружилась от радости. Но я не верю в счастье, и это вполне простительно. Захотите ли вы, ангел любви, заставить уверовать мою неверующую и увядшую душу? Но приезжайте, по крайней мере, в Псков; это вам легко устроить. При одной мысли об этом сердце у меня бьется, в глазах темнеет и истома овладевает мною. Ужели и это тщетная надежда, как столько других?.. Перейдем к делу; прежде всего, нужен предлог; болезнь Анеты — что вы об этом скажете? Или не съездить ли вам в Петербург? Вы дадите мне знать об этом, не правда ли? — Не обманите меня, милый

ангел. Пусть вам буду обязан я тем, что познал счастье, прежде чем расстался с жизнью! — Не говорите мне о восхищении: это не то чувство, какое мне нужно. Говорите мне о любви: вот чего я жажду. А самое главное, не говорите мне о стихах... Ваш совет написать его величеству тронул меня, как доказательство того, что вы обо мне думали — на коленях благодарю тебя за него, но не могу ему последовать. Пусть судьба решит мою участь; я не хочу в это вмешиваться... Надежда увидеть вас еще юною и прекрасною — единственное, что мне дорого. Еще раз, не обманите меня.

*Пушкин — А. П. Керн,
8 декабря 1825 г. Тригорское*

Никак не ожидал, чародейка, что вы вспомните обо мне, от всей души благодарю вас за это. Байрон получил в моих глазах новую прелесть — все его героини примут в моем воображении черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в образах и Гюльнарны и Лейлы — идеал самого Байрона не мог быть божественнее. Вас, именно вас посылает мне всякий раз судьба, дабы усладить мое уединение! Вы — ангел-утешитель, а я — неблагодарный, потому что смею еще роптать... Вы е_д_е_т_е_ в Петербург, и мое изгнание тяготит меня более, чем когда-либо. Быть может, перемена, только что происшедшая, приблизит меня к вам, не смею на это надеяться. Не стоит верить надежде, она лишь хорошенькая женщина, которая обращается с нами, как со старым мужем. Что поделяет ваш муж, мой нежный гений? Знаете ли вы, что в его образе я представляю себе врагов Байрона, в том числе и его жену.

8 дек.

Снова берусь за перо, чтобы сказать вам, что я у ваших ног, что я по-прежнему люблю вас, что иногда вас ненавижу, что третьего дня говорил о вас гадости, что я целую ваши прелестные ручки и снова перецеловываю их, в ожидании лучшего, что больше сил моих нет, что вы божественны и т. д.